

Элизабет Вернер

У алтаря

Элизабет Вернер
У алтаря

«Public Domain»

1873

Вернер Э.

У алтаря / Э. Вернер — «Public Domain», 1873

«Осеннее утро было серым и мрачным. Густой влажный туман окутывал землю, тяжелыми каплями оседал на темных ветвях сосен, белесым кольцом опоясывал небольшую поляну, которой открывалась просека среди огромных, высоких деревьев старого леса. У самого начала просеки стоял юноша, почти мальчик, лет шестнадцати или семнадцати, в сером форменном платье королевского лесничего. С одного плеча его спускалась охотничья сумка, через другое было перекинута ружье. Но охота, по-видимому, мало интересовала его в этот момент. Он равнодушно смотрел в чащу леса, откуда доносился топот нескольких лошадей, скачущих галопом. Недалеко от поляны топот затих, слышались звуки голосов и бряцание шпор. Вслед за тем среди стволов замелькали военные мундиры и на поляне появились пятеро офицеров...»

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эльза Вернер

У алтаря

Вместо пролога

Осеннее утро было серым и мрачным. Густой влажный туман окутывал землю, тяжелыми каплями оседал на темных ветвях сосен, белесым кольцом опоясывал небольшую поляну, которой открывалась просека среди огромных, высоких деревьев старого леса. У самого начала просеки стоял юноша, почти мальчик, лет шестнадцати или семнадцати, в сером форменном платье королевского лесничего. С одного плеча его спускалась охотничья сумка, через другое было перекинута ружье. Но охота, по-видимому, мало интересовала его в этот момент. Он равнодушно смотрел в чащу леса, откуда доносился топот нескольких лошадей, скачущих галопом. Недалеко от поляны топот затих, послышались звуки голосов и бряцание шпор. Вслед за тем среди стволов замелькали военные мундиры и на поляне появились пятеро офицеров.

– Итак, мы первые! – воскликнул высокий, стройный молодой человек с красивым, тонким лицом в мундире с погонями ротмистра.

– Сейчас без четверти восемь, – сказал другой, вынимая из кармана часы и взглянув на них. – Мы слишком быстро ехали, несмотря на все желание, им трудно попасть сюда одновременно с нами. Однако нельзя представить себе более неблагоприятную погоду. Из-за этого проклятого тумана ничего невозможно рассмотреть.

– Ну, на таком коротком расстоянии, какое мы наметили, достаточно хорошо видно, – возразил ротмистр. – У кого из вас пистолеты?

– Смотрите, – вдруг сказал самый молодой из офицеров, – там стоит кто-то, мы здесь не одни.

Все повернули головы в ту сторону, куда указывал офицер, и увидели юношу, прислонившегося к дереву.

– Какой-нибудь охотник, – спокойно проговорил ротмистр, окидывая взглядом тонкую фигуру юноши. – Пожалуй, он может помешать нам. Заальфельд, заставь-ка его убраться отсюда!

Поручик Заальфельд подошел к молодому человеку и вступил с ним в переговоры; однако они, видимо, не привели к желанному результату, по крайней мере минут через пять поручик вернулся к своим товарищам с красным от негодования лицом.

– В чем дело? – спросил ротмистр.

– Мальчишка не хочет уходить! – сердито ответил Заальфельд. – Он упрям и дерзок до последней степени. Придется пустить в ход силу.

– Зачем? Для того чтобы он поднял шум, привлек сюда своих товарищей, а может быть, и главного лесничего? – возразил ротмистр. – Да ведь тогда все наше дело будет сведено на нет. О насилии не может быть и речи! Ты, надо полагать, говорил с ним слишком резко. Попробую сам убедить его, – и ротмистр направился к юноше.

Все офицеры последовали за ним.

– Тебе здесь что-нибудь нужно, мой милый? – ласково спросил ротмистр.

– Нет! – коротко ответил юноша.

– Может быть, ты ждешь лесничего или кого-нибудь другого?

– Нет!

– В таком случае ты, конечно, ничего не будешь иметь против того, чтобы уйти отсюда? Мы собираемся поупражняться в стрельбе, испытать новое оружие, и не хотели бы, чтобы нам мешали. Возьми эти деньги и уходи с Богом, оставь нас одних!

Ротмистр говорил дружелюбно, но тоном, не терпящим возражений; однако и это не подействовало. Очевидно, юноша или относился к тем упрямам, которые нелегко отказываются от своих желаний, или был так возмущен резкими словами Заальфельда, что решил ни в коем случае не сдаваться.

– Благодарю вас, господин офицер, – ответил он, даже не взглянув на талер, который протягивал ему ротмистр, – я останусь здесь.

– Да ведь говорят тебе, что мы будем здесь стрелять! – нетерпеливо воскликнул ротмистр.

– Ну, что ж, – последовал равнодушный ответ, – это мне нисколько не помешает!

– Но помешает нам, – раздраженно заметил ротмистр, – мы не желаем посторонних свидетелей, слышишь ты это?

– Слышу и остаюсь здесь! – спокойно ответил юноша, снова прислонившись к дереву. – Если кому-нибудь из нас нужно непременно уйти, то...

– Нахальный мальчишка! – закричал поручик Заальфельд и выхватил шпагу.

Юноша смерил его с головы до ног пренебрежительным взглядом и медленно снял с плеча ружье. Спокойствие и уверенность юноши показали офицерам вызывающей дерзостью, они приняли угрожающий вид, и, может быть, молодой человек дорого поплатился бы за свое упрямство, если бы в дело не вмешался ротмистр, который, хотя тоже был страшно рассержен, сумел овладеть собой.

– Не надо насилия, – тихо, но властно заявил он своим товарищам. – Отсюда недалеко до дома лесничего, а вы знаете, что у нас есть основание избегать шума. Если мальчишка ни за что не хочет уйти, то нам не остается ничего другого, как переменить место. Найдите в лесу другую подходящую поляну, а я буду здесь поджидать противника.

Офицеры отнюдь не проявили готовности исполнить желание ротмистра. Они были в высшей степени раздражены, но все-таки авторитет товарища заставил их воздержаться от резких действий против упрямого юноши. А он смотрел на офицеров с таким спокойствием, точно их угрозы относились вовсе не к нему.

Начавшийся между ротмистром и его спутниками горячий спор был прерван приходом еще трех мужчин. Услышав громкий разговор офицеров, пришедшие остановились и с удивлением смотрели на них. Поручик Заальфельд пошел им навстречу.

– Я очень жалею, господа, что должен сообщить вам неприятную весть, – с подчеркнутой вежливостью проговорил он. – Мы застали на этой поляне какого-то юношу, который так упрям, что его никак нельзя заставить уйти отсюда. Конечно, легче всего насильно прогнать его, но вы понимаете, что для нас совершенно не желателен шум, который поднял бы мальчишка, если бы мы прибегли к насилию.

– Да, это очень неприятно, – подтвердил один из вновь прибывших. – Может быть, удастся... виноват, я забыл представить вас друг другу: доктор Рид, любезно согласившийся оказать нам врачебную помощь, барон фон Заальфельд, секундант графа Ранека.

Новые знакомые обменялись поклонами, после чего доктор посмотрел на упрямого юношу и, покачав головой, сказал:

– А, вот вы о ком говорите! Ну, советую оставить всякую надежду подействовать на него добром или силой. Я знаю этого молодого человека. Он сын помощника лесничего Гюнтера. Бернгард скорее согласится, чтобы его убили, но не двинется с места, если решил остаться здесь. Напрасный труд убеждать его.

Заальфельд с трудом подавил проклятие по адресу упряма, готовое сорваться с его уст.

– Граф Ранек предложил нам поискать другое подходящее место, – произнес он, – но ведь это нечто неслыханное – уйти из-за какого-то нахала-мальчишки, уступить ему!

– Да этого и не требуется, – вмешался в разговор младший из прибывших. – Если юноша во что бы то ни стало хочет остаться здесь, пусть остается. Ведь вы с ним знакомы, доктор, будьте так добры, убедите его только стоять спокойно, не мешать нам и не выдавать нас. Через

четверть часа дело будет окончено, и тогда все равно результаты станут известны – их нельзя скрыть. А теперь я убедительно прошу не медлить дольше.

Заальфельд с нескрываемым удивлением взглянул на говорившего, затем подошел к своим товарищам, чтобы сообщить им слова противника. Ротмистр сейчас же согласился, что медлить не следует.

– Совершенно правильно, – быстро сказал он, – дальнейшее промедление может вызвать новые препятствия. Доктор поговорит с мальчишкой, а ты, Заальфельд, займись приготовлениями к делу.

Доктор между тем подошел к молодому Гюнтеру и сказал ему:

– Здравствуй, Бернгард!

– Здравствуйте, господин доктор, – ответил юноша более вежливо, чем можно было ожидать, судя по его разговору с офицерами.

– Почему ты ни за что не хочешь уйти отсюда? – спросил доктор, сердито и в то же время с удивлением глядя на семнадцатилетнего юношу, не побоявшегося затеять ссору с пятью офицерами.

– Так, не хочу! – с упрямым равнодушием ответил Бернгард.

– Счастье твое, что ты в будущем году поступишь на военную службу, – заметил доктор, – там тебя живо отучат от твоего «не хочу». Только молись Богу, чтобы никто из этих офицеров не оказался твоим начальником, не то тебе придется горько раскаяться в своем упрямстве. Ты дорого поплатился бы за него и сегодня, если бы у этих господ не было серьезного основания пощадить тебя. Ну, уж раз ты остался здесь, делать нечего, только смотри, будь осторожен! Стой спокойно рядом со мной, и ни в коем случае не двигайся с места... Понимаешь?

Нотация, несмотря на строгий тон доктора, не произвела на юношу дурного впечатления. В словах врача чувствовались отеческая забота, скрытая ласка, и Бернгард покорно согласился исполнить требование, тем более, что заносчивым офицерам ведь не удалось сдвинуть его с места.

– Ну что? – спросил один из спутников доктора, когда он подошел к ним.

– Я беру упряма на свою ответственность, он не помешает нам, – ответил доктор, – если уж так необходимо то, что вы затеяли.

– Вы знаете, что у нас нет выбора, – заметил другой спутник, подавляя вздох. – Итак, вы отвечаете за мальчика? Прекрасно! Барон Заальфельд, пожалуйста!

Секунданты измерили расстояние и выбрали оружие. По-видимому, причина, приведшая сюда противников, была весьма серьезной. Здесь дело шло не об оскорблении словом, сказанным сгоряча и требующим дуэли только для того, чтобы выйти из неловкого положения. По строгим лицам присутствующих, по очень короткому расстоянию, на котором противники должны были обмениваться выстрелами, можно было заключить, что предполагался поединок не на жизнь, а на смерть. Противники стояли, отвернувшись друг от друга, они не обменялись даже взглядом. Традиционный поклон между враждующими сторонами был выполнен только их секундантами.

Ротмистр граф Ранек стоял, скрестив руки, и молча следил за приготовлениями секундантов. Несмотря на привычное самообладание, он не мог побороть волнения. Его лоб покраснел, губы слегка дрожали, но достаточно было внимательного взгляда, чтобы убедиться, что не предстоящая опасность – причина его волнения. Присущая ему отвага ясно выражалась в смелом взгляде блестящих глаз, во всех чертах красивого лица. Только мрачная складка между бровей, появившаяся на лбу графа с момента прихода противника, придавала ему жесткое, неприятное выражение.

Противник Ранека – высокий, стройный господин в штатском – казался гораздо моложе графа. У него были густые черные волосы и бледное лицо, на котором резко выделялись глубокие темные глаза; напряженная мысль наложила свой отпечаток на тонкие черты его лица,

которые поражали теперь своим угрюмым, застывшим спокойствием. Он не обращал никакого внимания на приготовления секундантов. Прислонившись к стволу огромного дуба, стоявшего посреди поляны, он неподвижно смотрел на окутанный туманом лес. Лучи уже поднявшегося солнца еще не в состоянии были проникнуть сквозь густую влажную пелену, нависшую над землей подобно тени смерти. Утренний ветерок слегка шевелил высокую пожелтевшую траву и покачивал ветки дуба, с которых слетали увядшие листья. Один из них упал на человека, прислонившегося к дереву, и тот, почувствовав, как к его лбу прикоснулось что-то холодное, мокрое, молча посмотрел вверх и затем снова начал вглядываться в окружающий лес.

Приготовления были закончены. Противники взяли оружие, стали по местам. В первый раз их взоры встретились, и в тот же миг исчезло мрачное спокойствие младшего, на его лице вспыхнуло все, что он до сих пор старался подавить почти нечеловеческим усилием воли. Глаза его грозно засверкали, а в чертах выразилась такая ненависть, что всем стало ясно – он или убьет противника, или сам будет убит, ни о каком другом исходе дуэли не могло быть и речи. Волнение, охватившее молодого человека в штатском, могло стать для него роковым, так как пистолет заметно дрожал в его руке. Против него стоял ротмистр, и, видимо, ему страшна была не пуля, а глаза его противника: под этим взглядом лицо офицера вспыхнуло краской стыда; но злоба одержала верх, и неприятная складка еще резче обозначилась на лбу. Он крепко держал оружие, и когда дан был знак стрелять, дуло пистолета направил прямо на грудь противника.

Первым выстрелил штатский. Пуля пролетела около самой шеи ротмистра и сорвала погон с его левого плеча, сам он остался невредим. В следующее мгновение раздался второй выстрел и вслед за тем стон. Штатский упал, заливая траву потоком крови.

Дуэль была окончена. Доктор и секунданты бросились к упавшему, офицеры тоже подошли ближе и молча ждали результатов осмотра. Через несколько минут врач, наклонившийся над раненым, поднялся и с сокрушенным видом пожал плечами.

– Ну что, рана опасна? – спросил ротмистр.

Раненый открыл глаза и посмотрел на своего врага. Это был взгляд умирающего, но в нем выражалось, вероятно, нечто очень страшное, так как ротмистр вздрогнул, побледнел и быстро отвернулся.

– Я оставляю раненого на ваше попечение, господа, – не своим голосом, глухо проговорил он, – если мои товарищи могут быть вам чем-нибудь полезны, то...

– Мы справимся и одни, – ответил доктор, – можете уйти и предоставить нам дальнейшее.

– Позвольте предложить вам нашу карету, – сказал Заальфельд.

– Благодарю, наш экипаж тоже стоит недалеко отсюда. Не беспокойтесь, все, что еще можно сделать, будет сделано.

Офицеры молча поклонились. Зазвенели шпоры, раздался гулкий топот копыт, постепенно удаляющийся, и наконец наступила полная тишина.

Четыре человека остались на поляне. Умирающий лежал с закрытыми глазами и в бессознательном состоянии. Секундант опустил на землю и поддерживал руками его голову. По другую сторону к нему наклонился врач и считал пульс умирающего, который был так слаб, что только очень опытная рука могла его отыскать. Вдруг доктор почувствовал прикосновение к своему плечу, он быстро оглянулся и увидел перед собой молодого Гюнтера.

– Наш дом недалеко отсюда, – прошептал юноша, – может быть, вы пожелаете...

– Благодарю, мой милый, – ответил врач, угадавший по взгляду юноши на раненого конец его фразы, – благодарю тебя, но здесь ничем уже нельзя помочь.

– Неужели мы допустим, доктор, чтобы он умер здесь, на сырой земле? – спросил секунданта. – Ведь мы могли бы по крайней мере перенести его в дом лесничего.

– Нет, – решительно возразил доктор, – он этого не вынесет. При малейшем движении он умрет. Впрочем, через несколько минут и так все будет кончено, и не все ли равно – умереть под открытым небом или среди четырех стен?

Эти переговоры велись шепотом; потом наступило молчание, и все трое с трепетом ждали приближения смерти. Дыхание раненого становилось все слабее и слабее, затем он глубоко вздохнул, вздрогнул и вытянулся – наступил конец.

Секундант медленно опустил голову своего друга. Он все время с трудом сдерживал слезы, чтобы не обеспокоить раненого, но теперь все его горе прорвалось наружу, и врач сделал знак Гюнтеру отойти с ним в сторону, чтобы не смущать своим присутствием плачущего секунданта.

– Ну, что, теперь ты доволен, Бернгард? – спросил доктор. – Ты, конечно, твердо решил в своей сумасбродной голове, что будешь присутствовать при дуэли, и достиг цели... Что же, ты доволен?

Юноша взглянул на доктора; его лицо побледнело, спокойствие, которое он сохранял, препираясь с офицерами, бесследно исчезло.

– Это было убийство! – медленно ответил он.

– Ты так думаешь? Однако оно совершилось в полном порядке, по взаимному соглашению, с вежливым поклоном, а мы стояли вокруг и не сделали ни малейшей попытки для спасения несчастного. Городские господа, мой милый, пользуются привилегией безнаказанно убивать своих ближних таким образом.

– Почему они стрелялись?

– Гм... это трудно объяснить вообще, а тебе в особенности. Дело шло о смертельном оскорблении, которое могло быть смыто только кровью. Ты видел, как все вышло? Оскорбленный не умел обращаться с пистолетом и потому промахнулся, а тот, кто оскорбил, – профессиональный стрелок, поэтому он и уложил на месте своего противника. Это называется «удовлетворением своей чести»!

С последними словами доктор отвернулся от юноши и подошел к секунданту. Тот уже успел несколько овладеть собой и сказал врачу:

– Нужно отнести его в карету, доктор! Надеюсь, вы можете мне в моем трудном положении? Вы знаете, куда я должен отвезти тело, у меня не хватает мужества явиться туда с такой страшной вестью.

– Я поеду с вами, – ответил доктор, протягивая руку секунданту. – Конечно, нам предстоит трудная задача, тем более, что это известие разобьет всю их жизнь.

Они подняли труп. Бернгард помогал нести тело, и никто не препятствовал ему. Медленно двигалась небольшая процессия к стоявшей невдалеке карете.

Тихо стало теперь на поляне, где еще так недавно злоба кипела ключом, где только что было совершено убийство. Кто мог сказать, было ли это последним актом давно начавшейся старой драмы или первым действием новой?

Солнце, разгораясь все ярче, пробивалось сквозь туман, и наконец его лучи победоносно засверкали, осветив все вокруг. Казалось, еще более гордо подняли вверх свои кроны могучие сосны с красными стволами, золотом и багрянцем зажглись листья старого дуба. Солнце согнало туман с земли и вместе с ним следы человеческих ног – единственные следы поединка. Только там, где лежал убитый, на траве темнело пятно, будто падала на это место таинственная тень от какого-то невидимого предмета.

Глава 1

Нарядная открытая коляска, запряженная парой резвых лошадей, быстро катилась от железнодорожной станции вдоль лесной опушки.

Господин, сидевший рядом с молодой девушкой, так легко правил лошадьми, точно ему ровно ничего не стоило обуздывать молодых, горячих животных. Ему было на вид лет сорок. Коротко стриженные черные волосы обрамляли широкий лоб, на котором заботы и труды оставили свой след в виде нескольких морщинок. На первый взгляд лицо его казалось мало-выразительным и носило отпечаток флегматичного спокойствия, но, присмотревшись внимательнее, можно было заметить, что этот человек обладает недюжинной волей, что он ни перед чем не отступит в жизни и, раз наметив себе цель, добьется ее во что бы то ни стало. Встретив его холодный пронизательный взгляд, каждый чувствовал огромную силу духа этого человека и понимал, что он вполне способен подчинить всех окружающих своей воле.

Полной противоположностью своего спутника была молодая, едва вышедшая из детского возраста девушка, сидевшая рядом с ним. Тяготы жизни еще не коснулись ее розового личика, детская жизнерадостность сверкала в синих глазах, по-детски удивленно смотревших на мир. Божественные ямочки играли на прелестных щечках. Копна темно-каштановых локонов, перехваченных лентой, свободно спускалась на плечи из-под соломенной шляпки. Простое серое дорожное платье ладно сидело на стройной фигурке девушки. По-видимому, быстрая езда доставляла ей огромное удовольствие.

– О, мы прямо-таки летим, в полном смысле слова! – воскликнула она с веселым серебристым смехом и прибавила без малейшей тревоги в голосе: – В конце концов лошади опрокинут нас!

– Пока вожжи в моих руках, этого не случится! – спокойно ответил господин, не пытаясь сдерживать бешено мчавшихся лошадей.

Молодая девушка, казалось, была разочарована; ей как будто хотелось, чтобы лошади опрокинули их и вообще произошло что-нибудь необыкновенное.

– Когда мы приедем в Добру? – спросила она, тщетно стараясь рассмотреть сквозь чащу деревьев, что находится за ними.

– Через полчаса. Приготовься, Люси, сейчас же по приезде я представлю тебя твоей воспитательнице.

Люси сделала гримаску, точно ей дали попробовать что-то очень невкусное.

– Не понимаю, зачем нужна воспитательница. Ты же знаешь, Бернгард, что в этом месяце мне исполнится шестнадцать лет.

Это было сказано с большим чувством собственного достоинства, но мало подействовало на господина; наоборот, на его губах появилась совершенно непочтительная саркастическая улыбка.

– Шестнадцать лет? – повторил он. – Скажите, пожалуйста, какой почтенный возраст! Тем не менее, ты, надеюсь, извинишь меня, что я не решаюсь сейчас же признать тебя самовластной хозяйкой в Добре, а предпочитаю пригласить гувернантку. У мадемуазель Рейх самые лучшие рекомендации, и она обладает, как мне кажется, всеми талантами, необходимыми для ее тяжелой профессии. Я уверен, что вы скоро станете друзьями.

– Я нисколько не желаю этого! – возразила Люси тоном избалованного ребенка. – Все гувернантки скучны и надуты, как мисс Гибсон, нервны и сентиментальны, как мадемуазель Ормон, или торжественны и важны, как мадам Шварц, которая и в момент светопреставления будет думать о том, правильно ли лежат складки на ее платье, или...

– Прощу тебя, Люси, оставить этот тон еще до того, как мы приедем в Добру. У тебя странная манера высказывать благодарность своим воспитателям. Впрочем, судя по результатам, которые я вижу, педагогические способности твоих наставниц были далеко не на высоте.

– О, они ничего не могли поделать со мной, – с торжествующим видом заявила Люси, – хотя по крайней мере раз в неделю вершили надо мной суд. Мадам Шварц называла меня мятежницей, вносящей всюду революционный дух и смущающей весь пансион; мадемуазель Ормон проливала слезы и говорила, что я доведу ее до нервного припадка, а мисс Гибсон стояла, как палка, трясла своей седой головой и повторяла: «Шокинг, шокинг!». Я представляю, как они все обрадовались, когда ты забрал меня домой, и я уехала.

– Действительно! Вот видишь сама, что ты еще очень нуждаешься в гувернантке. У меня до сих пор было мало времени лично заниматься твоим воспитанием, боюсь, что и теперь его будет не больше. Но помни, Люси, если авторитет мадемуазель Рейх окажется для тебя недостаточным, тебе придется подчиниться моему, а я вообще не допускаю революции в своем доме ни с чьей стороны, тем более со стороны сестры, которая мне ясно показала сейчас, что для нее больше подходит детская, чем салон взрослой особы.

Нотация была прочитана спокойным тоном, но так внушительно, что Люси не решилась протестовать даже против последней, самой обидной фразы. Она с укором поглядывала на брата, втайне надеясь, что он шутит, но лицо Бернгарда оставалось серьезным. Девушка промолчала, хотя видно было, что ее будущей воспитательнице предстоит незавидная доля, эта воспитанница не так-то легко подчинится ее авторитету.

Бернгард вдруг натянул вожжи. Навстречу им ехала роскошная коляска, обитая внутри шелком, с лакеем на козлах, одетым в дорожную, отделанную золотой тесьмой зеленую ливрею. Дорога была так узка, что Бернгарду пришлось остановить лошадей, пережидая, пока коляска проедет мимо. В ней сидели две пожилые дамы в изящных городских туалетах. Несмотря на то, что экипажи оказались на таком близком расстоянии друг от друга, обладатели их не расклялись между собой. Дамы смотрели в противоположную сторону, а все внимание Бернгарда, казалось, было поглощено лошадьми. Через несколько секунд незнакомки скрылись из вида, а коляска Бернгарда снова быстро помчалась вперед.

– Кто эти дамы? – с детским любопытством спросила Люси, схватив брата за локоть.

– Графиня Ранек и ее компаньонка! – коротко ответил Бернгард.

– Так ты знаешь их?

– Они мои ближайшие соседи. Добра находится между аристократией и духовенством: направо от нее замок Ранек с прилегающими владениями, налево – монастырь со своими угодьями. Нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на одних или на других... Незавидное соседство!

– Если тебе не нравится расположение твоего имения, зачем же ты купил его?

– Потому что оно продавалось за бесценок и при тех условиях, в каких оно находится, я с гораздо меньшими издержками достигну лучших результатов, чем у нас на севере. Впрочем, ты все равно в этом ничего не понимаешь. Посмотри лучше туда, налево: та узкая тропинка ведет прямо в Добру.

Молодая девушка вскочила, как наэлектризованная.

– Ах, как здесь хорошо, какая тень и прохлада! Позволь мне пройтись немного пешком. Мы и так слишком долго сидели в тесном вагоне.

– Куда же ты пойдешь в полуденную жару? Что за фантазии приходят тебе в голову?

– Я так давно не была в лесу!.. Целые годы видела только городской парк и наш институтский садик, окруженный стенами. Пожалуйста, пожалуйста, Бернгард, позволь мне погулять только четверть часа!

В тоне девушки было столько нежной мольбы, что брат невольно согласился на ее просьбу.

– Ну, четверть часа куда ни шло, – ответил он. – Жозеф может проехать вперед и ждать нас у опушки леса.

Бернгард отдал вожжи сидевшему сзади кучеру, вышел из экипажа и протянул руку, чтобы помочь сестре, но она легко спрыгнула на землю, не ожидая помощи брата, и побежала вперед. Хотя в лесу была прекрасно расчищенная дорожка для прогулок пешком, Люси предпочла бежать по узким тропинкам, путаясь в густой траве, натыкаясь на кусты и деревья. Как молодая серна, выпущенная из западни на волю, она носилась по лесу, гоняясь за жаворонками и мотыльками. То здесь, то там сквозь ветви деревьев мелькала вуаль ее шляпки. Наконец Люси прибежала к брату, неся в руках целый сноп цветов. Она болтала без умолку, щебетала, как птичка, засыпая брата вопросами и милыми шутками.

– Ну, однако, довольно, – сказал он, беря ее под руку. – Теперь ты пойдешь вместе со мной, здесь рядом выход из леса, где нас ждет экипаж.

– Как? Уже? – разочарованно воскликнула Люси. – Нет, нет, позволь мне только один раз взглянуть на то ущелье, один-единственный раз, а потом мне очень хочется посмотреть, откуда течет ручей; через две минуты я вернусь обратно!

И Люси быстро исчезла; несколько секунд еще Бернгард видел ее развевающуюся вуаль, затем и она скрылась из вида.

«Ну, слава Богу, пансион не сделал из моей сестры чопорной дамы, – подумал Бернгард, – она такое же дитя, каким была четыре года тому назад, когда я отвез ее туда».

Он вздохнул и стал терпеливо ждать, когда девушка вернется к нему.

Люси между тем добежала до ущелья и с любопытством заглянула вниз. В глубине протекал светлый, серебристый ручей, бегущий с высокой скалы. Вокруг него росли старые буки, а между ними расстился ковер зеленой мягкой травы, усыпанной полевыми цветами. Это был очаровательный уголок, как будто специально созданный для мечтаний и грез. Молодая девушка застыла, пораженная красотой местности, но в следующее же мгновение ее внимание привлек куст малины с крупными темно-красными ягодами. Обещание, данное брату, было забыто. Люси решила во что бы то ни стало добраться до малины, хотя для этого нужно было перейти ручей. Повесив шляпу на одну руку и подобрав платье другой, она начала легко, как сильфида, перепрыгивать с камня на камень. Под ее ногами струилась вода, изящные столичные туфельки, совершенно не подходящие для лесных прогулок, намокли от брызг. Но Люси только громко и весело смеялась, когда холодная вода касалась ее ножек или ветки цеплялись за локоны и царапали лоб. Чем труднее был путь, тем сильнее становилось желание добраться до малины. Наконец она взобралась наверх, к подножию скалы, где рос заманчивый куст.

Горячее полуденное солнце ярко освещало стройную фигурку, распустившиеся локоны и прелестное детское личико с разгоревшимися щеками и сияющими от радости глазами. Люси уже протянула руку к ягодам, но вдруг замерла, слегка вскрикнув от испуга: сквозь чашу зелени на нее смотрели большие мрачные темные глаза. Она отшатнулась и, вдруг увидела рядом с собой высокую фигуру в черном одеянии, точно выросшую из-под земли.

Несмотря на свои шестнадцать лет, о которых девушка говорила с такой гордостью, она испугалась, как маленький ребенок, приняв незнакомца за привидение; первым ее побуждением было бежать, но в следующее мгновение разум одержал верх. Какие же привидения среди бела дня? Солнце так ярко светило, а ручеек так весело журчал, точно смеялся над ее детским страхом. Люси собралась с духом и еще раз взглянула на незнакомца.

Да, перед ней было не привидение, а живой человек в длинной черной рясе. Очевидно, он лежал здесь на траве и читал – книга еще оставалась открытой. По всей вероятности, он видел, как Люси перебиралась через ручей, прыгая с камня на камень. Теперь он стоял, скрестив руки, и не отрывал от нее своего мрачного взгляда.

Люси стало смешно, что она испугалась священника, заучивающего, как видно, свою проповедь; хорошее настроение вернулось к ней и, не обращая больше внимания на незнакомца, она начала быстро набивать рот малиной.

Очистив почти весь куст, девушка решила, что ей пора вернуться к брату. Незнакомец стоял на большом камне, лежавшем в ручье у самого берега, и она должна была пройти мимо него. Она надеялась, что человек в рясе уступит ей дорогу, но тот не сделал ни одного шага. Люси рассердила такая невежливость; она бросила на незнакомца недовольный взгляд и нарочно, чтобы показать ему, до какой степени он ей мешает, ступила прямо в воду. Ее глаза снова встретились с мрачными глазами человека в рясе; он продолжал смотреть на Люси тем же неподвижным взором, в котором была какая-то жуткая, казалось, сверхъестественная сила. Девушка густо покраснела, прежний страх обуял ее, и она остановилась, замерев на месте и не решаясь пошевелинуться. Так прошло несколько томительных секунд. Наконец таинственный незнакомец посторонился, давая дорогу, и Люси, как испуганная лань, бросилась бежать в лес, где ее встретил брат, обеспокоенный ее долгим отсутствием.

– Это ты называешь двумя минутами? – спросил он. – Однако что с тобой, дитя мое? Ты чем-то встревожена? Что случилось?

Люси повисла на руке Бернгарда. Почувствовав себя в безопасности, она успокоилась.

– Я встретила чудовище в человеческом образе, – весело ответила она, – в образе мужчины мрачного, страшного; на нем была черная ряса...

– Ах, это, верно, один из монахов соседнего монастыря, – смеясь, заметил Бернгард. – Монашеское одеяние тебя напугало?

– Нет, не одеяние, – возразила Люси, потупившись и задумчиво качая головой, – не одеяние, а взгляд. У него ужасно странный взгляд... точно у привидения.

– По-видимому, твоего геройства хватает только на гувернанток, – насмешливо проговорил Бернгард, – четверть часа тому назад ты хвасталась, что держала весь пансион в страхе, а теперь в ужасе бежишь от монаха, испугавшись его платья или таинственного взгляда. У моей сестрицы душа настоящего героя... нечего сказать!

Люси хотела, горячо протестовать против насмешки брата, но в это время они вышли из леса на гору, и девушка остановилась при виде открывшейся картины. Перед ними быстро неслась, сверкая на солнце, горная река; по ее берегам высились красивые здания, утопавшие в зелени. Вдали виднелись горы, покрытые темным хвойным лесом. На переднем плане стоял, отражаясь в воде, живописный старинный замок. Но, несмотря на свой величественный вид, замок все-таки уступал в красоте другому зданию, расположенному на горе, как раз напротив него. Все, что только могла придумать фантазия настоящего художника, воплотилось в этом здании, за которым тянулся большой, роскошный сад. Центром ландшафта был белый монастырь бенедиктинцев, ослепительно блестящий под лучами солнца.

Люси, пораженная открывшейся перед ней картиной, невольно вскрикнула и затем замерла в немом восторге.

– Ну, Люси, будешь ли ты здесь жалеть о том, что оставила свою столицу с ее узкими улицами, высокими стенами и чухлым пансионским садом? – спросил Бернгард, наклоняясь к сестре. – Я думаю, что нет.

Молодая девушка охватила руками шею брата и радостно воскликнула:

– О, я даже представить себе не могла, что мир так прекрасен!

– Ты еще в сущности ничего не видела! – улыбаясь, отозвался Бернгард. – Посмотри в ту сторону! Там твой будущий дом. Однако нам нужно торопиться, не то мы никогда не доберемся до него.

Бернгард посадил сестру в экипаж, сел рядом с ней, дернул вожжи, и застоявшиеся лошади быстро понеслись вдоль долины по направлению к синеватым горам.

Глава 2

- Отец Бенедикт уже вернулся?
- Нет еще, ваше высокопреподобие!
- Как только он придет, скажите ему, что я желаю его видеть и что граф Ранек тоже здесь!
- Слушаюсь!

Камердинер закрыл дверь кабинета настоятеля монастыря и пошел исполнять отданное ему приказание.

Граф Ранек остался вместе с хозяином дома в его кабинете. Это была большая, с царской роскошью обставленная комната. Тяжелые красные шелковые занавеси прикрывали высокие сводчатые окна. На письменном столе стоял редкой красоты письменный прибор, лежали бумага и всевозможные приспособления для письма. В бархатном кресле с золотыми украшениями сидел настоятель, напротив него – граф Ранек. Как только камердинер закрыл дверь, граф вскочил со своего места и начал ходить взад и вперед по комнате.

С первого же взгляда можно было догадаться, что настоятель и граф Ранек – родные братья: так велико было сходство между ними. Одинаково высокий рост, те же голубые глаза, те же тонкие черты лица и гордая посадка головы. Очевидно, это были фамильные черты старинного дворянского рода. Граф Ранек унаследовал от своих предков своеобразную линию на лбу, еле заметную, когда он был спокоен, но резко обозначавшуюся при малейшем гневе и придававшую лицу жестокое, грозное выражение.

Несмотря на поразительное родственное сходство, братья производили совершенно разное впечатление. На лице прелата¹ застыло бесстрастное спокойствие, а его глаза смотрели так зорко и проницательно, точно он читал в глубине души каждого человека, приближавшегося к нему. Манеры его были сдержанно-холодны; почти совсем седые волосы в соединении с черным монашеским одеянием придавали ему вид старика, и он казался гораздо старше своего брата, хотя между ними был только один год разницы. В густых темно-русых волосах графа Ранека лишь кое-где виднелись серебряные нити, глаза его были полны огня, а движения быстры и энергичны. Роскошный военный мундир, свидетельствующий о высоком чине, придавал графу молодцеватый, моложавый вид и еще более украшал его видную, стройную фигуру.

– Ты как-то сдержанно говоришь о Бруно, – сказал граф, когда лакей вышел из комнаты. – У тебя есть основание быть недовольным им?

– Нет, – спокойно ответил настоятель, – отец Бенедикт продолжает все так же ревностно исполнять свои обязанности. Он выделяется религиозностью и среди остальной братии, я нахожу, что он даже слишком усердствует.

– Как это «слишком»?

– Я не люблю, когда молодые монахи особенно сильно увлекаются постом, молитвой и строгим покаянием. Такой суровый режим не может продолжаться слишком долго, затем наступает реакция, которая всегда опасна.

– Не взыскивай строго с Бруно, – улыбаясь, сказал граф, – ведь он мечтатель и всегда был им.

– Здесь это не годится, – возразил прелат несколько резко, – мне уже приходилось бороться с подобного рода мечтателями, и, говоря откровенно, мне не нравится, что отец Бенедикт сторонится всех, в одиночестве гуляет в лесу и ночи напролет сидит над книгами или изнуряет себя поклонами и молитвой.

¹ Прелат – общее название представителей высшего духовенства. (здесь и далее примечания редактора)

– Ты это ставишь ему в укор, – недовольным тоном прервал граф речь прелата, – ты жалуешься на то, что один из твоих монахов слишком ревностно исполняет свои духовные обязанности? Я совершенно не понимаю тебя. Ведь жажда знаний, способность увлекаться и беззаветно отдаваться любимому делу составляют главные элементы, на которых держится церковь.

– Эти элементы создают и вероотступников.

– Неужели ты думаешь, что Бруно может...

– Нет, нет, – остановил графа прелат, – повторяю тебе, что отец Бенедикт ведет себя вполне безупречно. Я говорю, что вообще не доверяю тем, кто слишком страстно берется за дело, – страсти надолго не хватает; в особенности это качество не подходит отцу Бенедикту, если он должен стать тем, чем ты хочешь. Ты ведь мечтаешь, что он будет моим заместителем, а по своим способностям он мог бы достичь и более высокого сана, но ему не хватает рассудительности, расчетливости. Покаянием и молитвой нельзя достигнуть выдающегося положения, нужно уметь создавать себе друзей, оказывать влияние на окружающих, учитывать все обстоятельства; вот этого-то у отца Бенедикта и нет, что внушает мне опасения.

Граф ничего не ответил брату и с подавленным вздохом подошел к окну. Откинув занавес, он смотрел вниз, на расстилающуюся перед ним равнину.

– Отчего ты не говоришь ничего о новых соседях в Добре? – спросил вдруг настоятель, видимо, желая переменить разговор.

Граф, презрительно пожав плечами, ответил:

– Я никогда не думал, что имение Сельтенова попадет в такие руки. Этот мужик сыграл довольно хитрую штуку, попав в нашу среду, точно равный нам. Конечно, мы совершенно игнорируем его.

Настоятель спокойно встал со своего кресла и, подойдя к брату, произнес:

– У тебя всегда был один недостаток: ты слишком недооцениваешь своих противников, а в данном случае этого вовсе не следует делать. Гюнтер не тот человек, которого можно испугать нахмуренными бровями или презрительным пожатием плеч. Мы все решили игнорировать его, но он предупредил нас и попросту не удостаивает наше общество своим вниманием. Однако он на пути к тому, чтобы стать значительной силой во всем крае.

– Никоим образом, – возразил граф, – ты забываешь, что имение Сельтенова ничего не стоит и этот северный мужик разорится в пух и прах.

– Наоборот, боюсь, что он доведет имение до небывалого благосостояния. Там, где граф Сельтенов разорился, «северный мужик» найдет неисчерпаемое богатство. Он уже успел достигнуть поразительных результатов, а между тем живет здесь всего лишь год. Его преобразования необыкновенно хороши, а главное – практичны. Если так будет продолжаться, то через шесть лет имение будет стоять в шесть раз больше, чем теперь. Мне передавали, что Гюнтер рассчитывает на это, и, по моему мнению, это – не хвастовство, а истинная правда.

– Ну, если даже и так, нам-то какое дело до него? – презрительно заметил граф. – Мы позаботимся о том, чтобы он сидел в своей берлоге и не мозолил нам глаза. Да, впрочем, он так поглощен своим хозяйством, что не может играть роли ни в каком общественном деле.

– Потому что он здесь чужой. Подожди, дай ему только пустить корни! Для нас весьма опасно, что чужестранец и протестант привлекает к себе всю рабочую силу нашей местности. Он сделается для нее авторитетом. Необходимо принять против этого соответствующие меры.

Граф почти не слышал последних слов; он быстро повернулся к двери, которая в эту минуту отворилась, и на пороге комнаты показался молодой монах в черном одеянии бенедиктинца. Ему можно было дать не более двадцати трех или двадцати четырех лет, но ничего юношеского не сохранилось в его лице. Роскошные темные волосы вились вокруг его высокого лба, лицо было бледно, как у аскета, но ни бледность, ни выражение суровой замкнутости не могли скрыть красоту его тонких черт. Холодная, почти ледяная сдержанность манер представляла

резкий контраст с мрачно горящими глазами. Длинное монашеское одеяние еще более увеличивало его высокий рост. Почтительно поклонившись обоим братьям, он остановился у дверей, хотя прекрасно видел, что граф сделал движение, чтобы пойти к нему навстречу. Прелат жестом позвал монаха.

– Граф Ранек желает видеть вас, отец Бенедикт, – проговорил он, – поэтому я и велел позвать вас. Ты, вероятно, предпочитаешь, Оттфрид, побеседовать наедине со своим воспитанником? Ты найдешь меня потом в гостиной, – и настоятель, кивнув головой, вышел в соседнюю комнату.

Граф быстро подошел к монаху и протянул ему руку.

– Мы давно не виделись, почти целый год. Как теперь прикажете называть вас, господин священнослужитель? Отцом Бенедиктом или прежним светским именем Бруно?

Граф говорил дружеским, сердечным тоном, но монах продолжал смотреть на него тем же мрачным взглядом, а его рука холодно и неподвижно лежала в руке Ранека, не отвечая на пожатие.

– Для вас я – прежний Бруно! – сухо произнес он.

– Я тоже думаю, что бывший опекун и покровитель даже для особы духовного звания имеет некоторое значение, – с улыбкой заметил граф. – Ну, вот, Бруно, ты и достиг цели, которая была предназначена для тебя с детства и к которой ты сам стремился. Теперь ты член знаменитого монашеского ордена, где все монахи сразу получают сан священника. Не правда ли, гораздо приятнее стоять над толпой у алтаря и простирая над ней руки, чем на коленях просить благословения у другого человека?

Что-то дрогнуло в лице молодого священника, но сейчас же оно приняло прежнее бесстрастное выражение. Длинные ресницы поспешно опустились, скрыв то, что можно было бы прочесть в глазах.

– Прежде всего, я должен поблагодарить вас, граф, за то, что вы дали мне возможность достигнуть этой цели, – проговорил он, и равнодушный тон странно противоречил его словам, – благодаря вам я получил воспитание и образование для поступления в этот аристократический монастырь. Без вас я, ничтожный сирота, к тому же простого происхождения, конечно, никак не мог бы попасть к бенедиктинцам. Я чувствую себя бесконечно обязанным...

Густая краска на мгновение залила все лицо графа Ранека.

– Нет, нет, не говори мне ничего о благодарности и каких-либо обязательствах! – быстро прервал он монаха. – Я сам хотел видеть тебя членом этого монастыря и убежден, что ты окажешь ему честь. Мой брат уверяет, что уже и теперь ты не только ведешь себя как достойный бенедиктинец, но даже слишком усердствуешь в исполнении своих религиозных обязанностей. Я надеялся, что в стенах монастыря ты найдешь спокойствие, которое необходимо для твоего здоровья, а между тем ты все ночи молишься и сидишь над книгами. По словам брата, ты даже во время прогулок в лесу не отдыхаешь, а ложишься на сырую траву и штудируешь какую-нибудь каноническую премудрость. Зачем ты делаешь это, Бруно? Ведь таким образом ты только расстроишь свое здоровье!

Тон графа был необыкновенно мягким, почти нежным, но его слова как будто задели какое-то больное место отца Бенедикта. При упоминании о лесе лицо монаха вспыхнуло, глаза робко опустились, губы дрогнули; но это длилось лишь одно мгновение, затем краска так же быстро отлила от его лица, и оно сделалось мертвенно-бледным.

Граф не мог не заметить этой резкой перемены и тревожно спросил:

– Что с тобой, Бруно? Ты, кажется, совсем болен? Да и неудивительно. Такой режим, какой ты установил для себя, может подорвать и железный организм. Зачем это все? Ты молод, на твоей совести не может быть никакого греха, к чему же изводить себя постом и молитвой? Будь таким же монахом, как все другие члены вашего монастыря. Береги свое здоровье! Я очень тебя прошу, Бруно!

Граф взял обе руки монаха и притянул его к себе. В глазах и тоне Ранека выражалась такая необыкновенная нежность, какую трудно было предположить в нем. Наверно, графу не часто приходилось просить, тем не менее результат его просьбы был не тот, какого он ожидал. Монах непроизвольно сделал движение, чтобы вырвать свои руки из рук графа, но потом точно одумался и оставил их. Он окинул Ранека взглядом, в котором промелькнуло с трудом подавляемое отвращение, и почтительно, но с ледяной холодностью ответил:

– Вы слишком добры, граф!

Ранек выпустил руки монаха и отошел от него, поняв, что Бруно отталкивает его дружбу. На его лице отразилось глубоко оскорбленное чувство, но не было и тени гнева или презрения, того злого презрения, с каким он говорил о «северном мужике».

– Ты все время хочешь видеть во мне только благодетеля, а не отечески расположенного к тебе друга, – с горечью заметил граф. – Я уже отчаялся когда-нибудь добиться твоего доверия и откровенности. Между нами точно лежит непроходимая пропасть, а ведь ты сам должен понимать, что теперь между тобой и всеми нами уже нет того расстояния, какое было раньше: ты занял другое место в свете.

Щеки отца Бенедикта снова слегка покраснели, он точно устыдился чего-то.

– Простите, граф, – пробормотал он, – я сознаю свою несправедливость по отношению к человеку, которому я всем обязан, но...

– Но ты ничего не можешь изменить, – закончил его фразу Ранек. – Пусть так! Мне не доставит удовольствия вынужденная привязанность, а тем более притворная. Мы, вероятно, будем часто видеться, так как я собираюсь остаться здесь довольно долго. Пока до свидания!

Граф повернулся по направлению к двери. Подойдя к порогу, он остановился на минуту, как будто ожидая, что Бруно что-нибудь скажет ему, но тот, потупившись, неподвижно стоял на месте. Граф быстро открыл двери и с недовольным видом вошел в гостиную.

– Свидание окончено? – спросил настоятель.

– Бруно все так же неподатлив, как и раньше, – ответил граф, садясь в кресло. – Его замкнутости ничем не победишь!

– Отец Бенедикт снова принял твою нежность с ледяной холодностью? – насмешливо проговорил прелат. – Я так и думал, иначе ты не расстался бы так скоро со своим любимцем. Ты сделал бы гораздо лучше, если бы всю свою нежность отдал собственному сыну.

– Как собственному? – воскликнул Ранек. – Разве Бруно...

– Я говорю о наследнике майората, – перебил брата прелат, – о твоём сыне, графе Оттфриде фон Ранеке, ему одному должна принадлежать твоя любовь, а отец Бенедикт не поймет твоей привязанности и не должен понимать.

– Не говори мне ничего об этом, – возразил граф, опустив голову на руки, – ты знаешь, что здесь мы расходимся с тобой.

– Да, и очень сильно. Ты никогда не поборешь своей слабости к Бруно, я в этом давно убедился. Ты прав, не стоит спорить, переменим тему разговора.

Отец Бенедикт вышел в большой коридор, соединяющий помещение настоятеля с квартирами других монахов. По коридору взад и вперед прохаживались двое мужчин, тихо разговаривающих между собой. Один из них был бенедиктинский монах, приор монастыря, с умным, но неприятным лицом и пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, другой – почти старец, в рясе священника белого духовенства. Бледное, худое лицо священника не отличалось особенной интеллигентностью, но было добродушным, а голубые глаза не потеряли еще своей красоты. Он осторожно ступал по мраморному полу и почтительно слушал приора, говорившего с ним снисходительно-дружелюбным тоном.

В коридор вошел отец Бенедикт, и разговор смолк. Монах, согласно уставу, низко поклонился приору и хотел пройти к себе, но приор остановил его вопросом:

– Аудиенция у его высокопреподобия уже окончилась?

– Да, ваше преподобие!

– Вот как? – Приор был заметно удивлен. – Позвольте познакомить вас: отец Бенедикт, самый младший из наших братьев; священник Клеменс. Вы, вероятно, еще не знакомы с ним?

– Нет, ваше преподобие! – лаконично ответил Бруно.

– Отец Клеменс приехал к нам погостить на несколько дней. Граф Ранек обедает здесь?

– Не знаю, ваше преподобие!

Приор посмотрел на отца Бенедикта далеко не благосклонно: ему не нравились лаконичные ответы молодого монаха. Бруно, видимо, не заметил неудовольствия своего начальника. Постояв несколько секунд в тщетном ожидании дальнейших вопросов, он снова отвесил низкий поклон и затем скрылся в одну из противоположных дверей.

Приор посмотрел ему вслед и с нескрываемой насмешкой произнес, обращаясь к скромному священнику:

– Вот видите, отец Клеменс, это – наш будущий настоятель; по крайней мере, прелат и граф Ранек желают этого и смотрят на него уже теперь как на настоятеля нашего монастыря.

– Вы шутите, ваше преподобие, – почти испуганно воскликнул Клеменс, – этот молодой монах – настоятель?

– Он – любимое детище прелата, на него возлагаются большие надежды. К счастью, со смертью настоятеля его власть над нами прекращается, и мы имеем право сами выбрать, кого хотим. Отцу Бенедикту следовало быть менее высокомерным, не создавать себе так много врагов среди братии, если он действительно мечтает о высоком poste, на который, между прочим, годится менее чем кто-либо другой.

– Мне отец Бенедикт не показался высокомерным, – возразил Клеменс, – наоборот, он в высшей степени скромн, даже более того – у него вид униженного.

Приор пожал плечами с насмешливой улыбкой и ворчливо проговорил:

– Монашеские приемы он усвоил быстро, но даю вам слово, что под клобуком монаха еще никогда не скрывались более гордые и упрямые мысли. Вы слышали его ответы? «Да», «нет», «не знаю». Посмотрите когда-нибудь в его глаза, и вы убедитесь, что в них нет ни малейшего выражения покорности или кротости, вы прочтете в них нечто другое. Этот выскочка еще покажет себя! Ему следовало бы по праву поступить в какой-нибудь нищенский монастырь, а не соваться к бенедиктинцам, куда до сих пор поступали лишь лица из самых знатных фамилий. Этот обычай строго соблюдался, но его высокопреподобие захотел принять к нам выскочку, и никто не посмел противиться желанию столь важной особы.

– Значит, отец Бенедикт совсем простого происхождения? – спросил отец Клеменс.

– Как смотреть на вещи, – со злобной усмешкой ответил приор. – По бумагам отец Бенедикт считается сыном одного из слуг графа Ранека. Эти люди готовы отдать за деньги свое имя кому угодно. Но факт тот, что граф Ранек забрасывает своего брата письмами, полными вопросов об отце Бенедикте, а по приезде лично просит настоятеля беречь его сокровище! Отец Бенедикт прекрасно знает, под чьим могущественным покровительством находится. Этот высокомерный человек не удостаивает никого из братии разговором, держится очень важно и совершенно особняком. Подумать только, что так ведет себя самый младший член ордена бенедиктинцев, принятый сюда из особой милости! Конечно, он понимает, что ему все дозволено, что каждый его поступок, как бы плох он ни был, будет непременно оправдан.

– Но я слышал о необыкновенном прилежании и усердии молодого монаха, – робко проговорил отец Клеменс.

Отвратительная улыбка снова искривила губы приора.

– О, в этом отношении отец Бенедикт безупречен, – насмешливо сказал он, – но его усердие мне подозрительно. Он думает слишком много. В монастыре это вообще опасно, а

под начальством нашего настоятеля в особенности. Не правда ли, брат мой, вы никогда не занимались размышлениями? – с презрительной жалостью глядя на старика, спросил приор.

– Нет, – чистосердечно ответил отец Клеменс, не замечая насмешки. – Я честно исполнял свои обязанности, не задаваясь вопросами, которые для меня слишком высоки и недоступны.

– Совершенно правильно, – одобрил приор, покровительственно положив руку на плечо священника. – Зато вы со спокойной совестью умрете в своем приходе, а отец Бенедикт... Впрочем, не хочу быть пророком. Однако слышите звонок? Нас приглашают к обеду, а после обеда я постараюсь выхлопотать вам аудиенцию у настоятеля, раз вы желаете.

Глава 3

Огромное поместье Добра, состоящее из нескольких лежащих друг возле друга имений, около ста лет находилось в руках одной старинной дворянской фамилии. С течением времени доходность имений начала падать, чем дальше, тем больше, потому что владельцы мало занимались ими, передавая все в руки наемных управителей, и в конце концов последний граф Сельтеннов решил избавиться от Добры, которая была уже заложена, перезаложена и вместо доходов приносила только убытки. Зная печальное состояние имений, никто из местных жителей не захотел их приобрести, и графу Сельтеннову пришлось продать свое поместье за бесценок какому-то постороннему человеку, который точно с неба свалился; по крайней мере никто о нем раньше ничего не слышал. Вскоре стало известно, что новый владелец Добры – простого происхождения и протестант. Это обстоятельство заставило соседей гордо отвернуться от «высочки», осмелившегося поселиться среди аристократии. Решено было при первом удобном случае дать почувствовать Гюнтеру что «свет» не желает иметь с ним ничего общего.

К сожалению, удобный случай так и не представился. Новый владелец не делал ни малейшей попытки завести знакомство с соседями. Он не нанес никому визита, не искал встреч ни с аристократией, ни с духовенством – одним словом, совершенно игнорировал своих важных соседей. Сначала «общество» негодовало, а затем невольно заинтересовалось Гюнтером, тем более, что, по слухам, в Добре совершались чудеса.

Действительно, там со сказочной быстротой вырастали новые здания, сооружались фабрики и заводы. Новый владелец обнаружил необыкновенную предприимчивость. Чтобы приводить в исполнение свои планы, «высочка» должен был обладать огромным состоянием, и это обстоятельство тоже немало способствовало тому, что соседи проявляли все больше и больше интереса к Гюнтеру. Не прошло года, как Добра перешла в чужие руки, и всем стало ясно, что новый владелец не только не разорится, как предсказывали раньше, а сделается самым богатым человеком во всем крае.

Гюнтер был прав, сказав, что его дом находится между аристократией и духовенством: с одной стороны к Добре примыкали поместья монастыря, настоятелем которого был один из графов Ранеков, с другой – обширные имения графа Оттфрида Ранека, владельца майората. Хотя в округе были и другие помещики, но они совершенно стушевались перед своими высокопоставленными соседями, служившими непоколебимым авторитетом для всех местных жителей. Графы Ранеки происходили от знатных и богатых предков. В то время как представители других родовитых семей постепенно разорялись, они увеличивали свое состояние, соответственно этому росло и их могущество.

По давно установившейся традиции, наследник майората должен был непременно жениться на богатой невесте очень хорошего происхождения, чтобы придать еще больше блеска своему имени. Граф Оттфрид не избежал общей участи. Как младший сын, он не мог рассчитывать на майорат и поступил на военную службу в одну из отдаленных провинций, не мечтая о богатстве, как вдруг неожиданная смерть старшего брата сделала его наследником всего имущества. Средний брат занимал в это время влиятельное место в аристократическом бенедиктинском монастыре, и потому Оттфриду выпало счастье стать владельцем майората.

Согласно традиции, он женился на самой богатой и знатной девушке из местных дворян. Это был брак по расчету, жених и невеста не чувствовали отвращения друг к другу, но между ними не возникло и признака любви. В глазах света они представляли примерную супружескую чету, но как только светские обязанности заканчивались, они расходились в разные стороны, не делая даже попыток сблизиться. Из трех родившихся у них детей двое умерли в раннем возрасте, в живых остался лишь один сын, тоже Оттфрид, будущий владелец майората.

Несмотря на свою молодость, граф Ранек младший, находившийся на службе в одном из столичных полков, имел уже большой чин.

Чтобы быть рядом с сыном, его отец и мать большую часть года проводили в столице. В имение Ранек они приезжали только на летние месяцы, куда графа Оттфрида старшего всегда влекло с самого начала весны; графиня сопровождала мужа, а их сын обычно появлялся значительно позже.

Прошло уже несколько недель с того времени, как владелец Добры привез в имение свою молоденькую сестру. Образ жизни в доме, по крайней мере с внешней стороны, нисколько не изменился от присутствия Люси и ее воспитательницы. При всем своем богатстве Гюнтер жил очень скромно. Он держал маленький штат прислуги и пользовался лишь несколькими комнатами в своем царском дворце; жизнь в нем текла мирно, спокойно, в строго установленном порядке. Однако эту тишину и порядок нелегко было сохранить, когда Люси, точно вихрь, ворвалась в жизнь брата. Внешне все шло по-старому, но в доме не было ни одного человека, ни одной вещи, которые остались бы незамеченными молодой девушкой. Начиная от строгой воспитательницы и кончая последней судомойкой, все подчинились влиянию очаровательной, ласковой Люси, наполнявшей дом смехом и веселыми проказами. Она была еще слишком ребенком, чтобы ограничиться обществом брата и воспитательницы. Ее преданными товарищами стали мальчишки-подростки, сыновья управляющего, вместе с нею совершавшие всевозможные проделки. Они скоро убедились, что все сходит с рук безнаказанно, если затея принадлежит их приятельнице. Вся прислуга обожала молодую девушку, всеми силами отстаивала «свою барышню» и буквально носила ее на руках, хотя никто не был гарантирован от шалостей Люси. При виде блестящих синих глаз, радостно сверкавших на розовом детском личике, обрамленном темно-каштановыми локонами, у всех становилось как-то веселее на душе; приветливая жизнерадостность молодой девушки, словно солнечный луч, освещала все вокруг, и никто не в состоянии был сердиться на нее.

Гюнтер очень редко узнавал о проказах сестры. Дела заставляли его большую часть времени проводить, вне дома, и он не мог сам заниматься воспитанием Люси. В общем, он относился к ней очень снисходительно и только тогда накладывал запрет на какое-либо желание сестры, когда оно могло чем-нибудь повредить ей самой. Любое запрещение задевало самолюбие шестнадцатилетней девушки, считавшей себя совсем взрослой, но она уже успела убедиться, что если Бернгард сказал «нет», то ни просьбы, ни слезы не заставят его уступить.

– Нет, Люси, вы заходите слишком далеко. Я думала, что ваши проказы с домовым уже окончены навсегда и вы наконец оставите нас в покое; оказывается, вам еще не надоело дурачиться, и теперь вы пошли еще дальше в этом отношении.

Эта тирада была произнесена разгневанной гувернанткой, стоявшей в позе величайшего негодования перед своей воспитанницей. Достаточно было взглянуть на эту даму, чтобы убедиться, что она нисколько не похожа ни на одну из тех пансионских воспитательниц, о которых говорила Люси своему брату. Высокого роста, хорошо сложенная, с приятными чертами лица и светлыми, добрыми глазами, она вполне сохранила свою красоту, хотя ей было уже за тридцать. Сейчас она старалась придать себе грозный вид, но ее нотация не произвела на Люси никакого впечатления.

Молодая девушка сидела в беседке за рисованием и, казалось, была совершенно поглощена своим делом, только по временам уголки ее губ вздрагивали от сдерживаемого смеха. На скамейке возле Люси лежала маленькая собачка, которая тщетно старалась обратить на себя внимание своей госпожи.

– Ведь это прямо возмутительно, – продолжала гувернантка свою обличительную речь. – Бедная старая экономка имела неосторожность сказать, что она суеверна, и с тех пор во всем доме, во всех коридорах и темных углах начинают разгуливать привидения. Прислуга боится

войти в пустую комнату, а бедная Шварц даже заболела от страха. Своими безбожными выходками вы конце концов вызовете какое-нибудь несчастье.

– А разве в замке нечисто? – с самым невинным видом спросила Люси. – Это интересно!

– Интересно? Не интересно, а отвратительно! Вы думаете, я не знаю, кто внушил негодным мальчишкам, сыновьям управляющего, мысль разыграть комедию с привидениями? Я расскажу вашему брату всю историю, и будьте уверены, что не поздоровится тому привидению, которое попадет в его руки.

– Ах, нет, не говорите ничего Бернгарду, – испуганно воскликнула Люси, – я обещаю, что привидений больше не будет.

– Ну, наконец-то вы сознались, что это – ваши шутки! – торжествующе заявила гувернантка. – Стыдитесь, Люси! Вы, взрослая девушка, шалите, как ребенок, с мальчишками. Я просто не знаю, что с вами делать. Не успею прочесть нотацию по поводу одной проказы, как за моей спиной уже совершается другая. Весь дом, к сожалению, на вашей стороне, точно вы заразили всех своими глупостями, и прислуга в заговоре с вами. Нужно иметь сто глаз и сто рук, чтобы удержать вас в границах приличия. Уверю вас, что я не принадлежу к числу слабых и податливых людей. У меня был целый класс самых шумных, самых необузданных мальчишек, и все-таки мне легче было справляться с ними, чем с таким сорванцом, как вы. Нет уж, пусть вас воспитывает кто-нибудь другой! Я отказываюсь!

– От чего вы отказываетесь? – раздался вдруг голос Гюнтера, незаметно подошедшего к беседе.

Люси вскочила с места и бросилась навстречу брату, уронив при этом со стола папку с рисунками, так что те полетели в разные стороны.

– Бернгард, час тому назад к тебе приходил человек с письмом от барона Бранкова, – быстро проговорила она, – он хотел непременно лично передать тебе послание барона, а мы не знали, куда ты ушел. Ты не видел этого человека?

Гюнтер спокойно взял сестру за плечи и, повернув ее по направлению к столу, сказал:

– Не будешь ли ты так добра собрать прежде всего разбросанные рисунки? От чего вы хотели отказаться, мадемуазель Рейх?

Гувернантка сильно смутилась. Ее гнев и негодование совершенно исчезли, ей не хотелось жаловаться на свою воспитанницу, которая уже успела собрать рисунки и теперь стояла рядом с ней, обняв ее стан рукой и положив головку к ней на плечо.

Мадемуазель Рейх хотела освободиться от непослушной воспитанницы, но маленькие ручки крепко держали ее в своих объятиях.

– Я должна была снова сделать замечание Люси, – обратилась Рейх к Гюнтеру: – Она не хочет исправиться.

– Ну, тогда мне придется вмешаться в дело, – проговорил Гюнтер, заметивший маневр сестры. – Я вообще должен побеседовать с вами, мадемуазель Рейх; не пройдетесь ли вы со мной по саду, а Люси в это время займется своим рисованием.

Маленькие ручки продолжали обнимать гувернантку, а глаза так умоляюще смотрели на нее, что последние следы неудовольствия исчезли с лица воспитательницы. Убедившись, что та будет на ее стороне, Люси, внутренне торжествуя, села за стол и сделала вид, что углубилась в работу. Но как только брат и гувернантка исчезли из виду, она бросила рисование, посадила собачку на стол и начала играть с нею, пустив в ход зонтик мадемуазель Рейх и не думая о том, что зубы и лапы собаки не пощадят шелковой ткани зонтика.

Обладательница последнего шла в это время рядом с Бернгардом по дорожке сада. С момента прихода Гюнтера у нее совершенно изменилась точка зрения на окружающие вещи. В отсутствие хозяина дома она постоянно ссылалась на его авторитет, но стоило ему заговорить с ней, как она начинала спорить с ним по поводу каждого сказанного слова и как будто занимала

какую-то оборонительную позицию. Бернгард, по-видимому, давно знал эту странную манеру гувернантки и не придавал ее враждебному тону никакого значения.

– Я сейчас получил письмо от барона Бранкова, – начал Гюнтер, – он приглашает нас завтра к себе в замок на семейное торжество. Я поражен этим, так как не сделал ему визита и вообще не искал знакомства с ним. У него, вероятно, есть какие-то основания для того, чтобы желать видеть меня у себя. Не знаю, в чем дело, но во всяком случае приглашение настолько любезно, что отказаться неудобно. Если бы я не поехал к Бранкову, мои соседи могли бы подумать, что я робею, стесняюсь их, а этого я вовсе не хочу.

Рейх слушала Бернгарда с удивлением.

– А Люси? – наконец спросила она после долгого молчания.

– Люси тоже приглашена; я думал было взять ее с собой, но раз вы недовольны ее поведением, то, конечно, она останется дома.

– Почему же? – испуганно воскликнула гувернантка. – Ведь не станете же вы наказывать ее за детскую шалость? Бедная девочка проводит все дни одна, не имея подруг, никакого подходящего общества! Поневоле в голову приходят всякие глупости. Тут нет ничего удивительного! Теперь представляется возможность доставить бедняжке развлечение, а вы хотите лишить ее такого удовольствия. Если Люси узнает, она будет плакать весь день, а этого...

– Вы не можете видеть, – насмешливо закончил Гюнтер. – Мне кажется, что не вы забрали в руки мою сестру, а она – вас. Впрочем, она сделала это со всеми в доме.

– Кроме вас! – добавила гувернантка. – Не родился еще на свете человек, который мог бы забрать в руки вас.

– Вы так думаете? – спокойно спросил Бернгард.

– Да, я так думаю, – ответила мадемуазель, раздраженная спокойствием своего собеседника. – Позволю себе заметить, что в десять раз легче справиться с живым характером Люси, чем с вашим возмутительным равнодушием. Несмотря на ваше снисходительно-рассудительное обращение, вся Добра трепещет перед вами.

– Кроме вас? – повторил Гюнтер слова гувернантки.

– Ну, я никогда ни перед кем не трепетала, – возразила та, гордо подняв голову, – а перед вами...

– В особенности! – снова закончил Бернгард. – Пожалуйста, не трудитесь продолжать. Я читаю по вашим глазам то, что вы хотите сказать.

Гувернантка сердито отвернулась.

– Ведь я предупреждала вас, что не стоит приглашать меня в Добру, – резко заметила она, – я знала, что и здесь мы будем ссориться, как ссорились у нас на родине, когда вы приходили из дома лесничего в дом священника.

– Да, верно, вы никогда не хотели жить со мной в мире, – спокойно сказал Бернгард, рисуя тросточкой фигуры на песке.

– Извините, пожалуйста, вы сами всегда нападали на меня, мне приходилось только защищаться от ваших нападок!

– Вы так считаете? Ну, что ж...

И Гюнтер повернул к дому, сопровождаемый молчаливо идущей рядом мадемуазель Рейх.

Глава 4

В роскошном особняке барона Бранкова собирались сливки местного общества.

В большом, залитом светом зале хозяева только что приветствовали его высокопреподобие отца настоятеля монастыря. Появление высокого красивого прелата, вошедшего в сопровождении молодого монаха в длинном черном одеянии, вызвало всеобщее оживление. Многие из собравшихся, впрочем, хорошо знали не только настоятеля, но и этого бледного молодого человека с необычайно выразительными черными глазами – отца Бенедикта.

Общество продолжало что-то обсуждать, с нескрываемым любопытством поглядывая на входную дверь.

Вслед за братом появился граф Ранек со своей супругой, а за ними важно выступал молодой граф Оттфрид. Приезд графа Ранека тоже вызвал волнение среди публики, но ожидание с его приездом не только не уменьшилось, а даже как будто стало еще более напряженным. Ранек поздоровался с братом, поговорил с хозяйкой дома и отошел к группе самых именитых гостей. Молодого Оттфрида Ранека окружили его товарищи, засыпая вопросами о столичной жизни. Графиня заняла почетное место среди дам и, обмахиваясь веером, молча предоставила им любоваться ее богатым туалетом. Полагая, что оказала всем великую честь своим приездом, она не желала утруждать себя разговором.

– Скажите, милейший барон, что сегодня происходит с вашими гостями? – спросил граф Ранек старший, останавливая проходившего мимо хозяина. – Все как будто ждут чего-то. Кто-нибудь должен приехать или вы нам готовите какой-нибудь сюрприз?

– И то, и другое, вероятно! – с несколько натянутой улыбкой отвечал барон. – Однако этот Гюнтер хочет разыграть из себя важную особу, заставляя нас ждать.

Граф внезапно вскочил со стула, точно его ударили.

– Кто, кто? – нетерпеливо спросил он.

– Наш сосед из Добры. Вы ведь знаете, что я пригласил его сюда?

Граф Ранек отступил на несколько шагов и смерил хозяина с головы до ног негодующим взглядом. Светское, любезное выражение его лица сменилось холодно-величавым, и он сухо произнес:

– Нужно сознаться, барон, вы слишком многого требуете от своих гостей.

– Господи, да разве вы этого не знали? – удивленно воскликнул Бранков. – Я пригласил Гюнтера по особенному желанию высокочтимого господина прелата.

– Моего брата? – недоверчиво переспросил Ранек.

– Именно! По собственной инициативе я никогда не сделал бы ничего подобного, – ответил барон. – Прелату так хотелось видеть Гюнтера, что он согласился приехать ко мне лишь при условии, что я приглашу нашего нового соседа. Признаюсь, мне это было очень неприятно, но я не мог не выполнить желания отца настоятеля.

Граф стоял неподвижно, словно мраморное изваяние. Барона Бранкова отозвали куда-то. Тогда Ранек, не скрывая своего негодования, направился к брату, чтобы потребовать объяснения его странного поступка.

– Ты знаешь, что здесь ждут приезда Гюнтера из Добры? – резко спросил он.

– Конечно! – невозмутимо ответил прелат.

– Бранков уверяет, что приглашение было послано по твоему желанию, неужели это правда?

– Да, правда!

– Ну, тогда я совершенно отказываюсь понимать тебя! – со сдержанным гневом воскликнул граф и топнул ногой, так что его шпоры зазвенели.

Прелат слегка пожал плечами и обычным спокойным тоном проговорил:

– Ты знаешь, что у меня есть причины познакомиться с этим человеком. Я должен был увидеть его, чтобы получить представление о нем и о том, на что он способен. Свидание с ним, как ты понимаешь, невозможно ни у меня в доме, ни у него. Вот я и избрал нейтральную почву – дом барона Бранкова.

– Ты, как всегда, все объясняешь высшими соображениями, – с горечью заметил граф, – забывая лишь одно – что этим приглашением мы открываем Гюнтеру дорогу в наш круг, который до сих пор был недоступен для него. Ты подаешь очень опасный пример и, несомненно, вызовешь всеобщее недовольство.

– Ты так думаешь? – с насмешливой улыбкой произнес прелат, окидывая беглым взглядом собравшихся. – А я боюсь совершенно другого. Все сторают от любопытства, ведь всем хотелось видеть богатого соседа, но никто не решался сделать первый шаг. Теперь все будут ссылаться на мой авторитет и в душе почувствуют ко мне благодарность за то, что я удовлетворил их любопытство и вывел из неловкого положения.

– Кому что нравится! – холодно возразил граф. – По крайней мере, ты понимаешь, что ни я, ни моя семья не можем знакомиться с подобным господином? Уж не взыщи, мы будем в стороне. Я терпеть не могу лиц, вторгающихся не в свой круг!

– И у тебя никогда не было симпатий вне твоего круга? – тихо, но насмешливо спросил прелат.

– Ты, брат... – весь вспыхнув, вскрикнул граф.

Но настоятель успокаивающим жестом остановил его.

– Тише, тише, Оттфрид, не забывай, что мы не одни, на нас смотрят. Мне не нравится твоя непоследовательность, поэтому я и напомнил тебе о прошлом. Между прочим, я привел Бенедикта. Ты еще не видел его?

Прелат знал, чем успокоить брата. Выражение лица графа сразу смягчилось, как только он увидел монаха, стоявшего в некотором отдалении.

В эту минуту к отцу и дяде подошел молодой граф.

– Ну, как тебе нравятся наши тихие горы после столичной жизни? – спросил прелат племянника.

На равнодушном лице Оттфрида выразилась скука; он как будто хотел сказать, что и там, и тут ему все одинаково надоело, но, зная, что дядя не любит, когда он разыгрывает роль пресыщенного жизнью, ответил лениво-усталым тоном:

– Во всяком случае они вносят некоторое разнообразие! Не могу, однако, сказать, чтобы родина гостеприимно встретила меня. Вчера, когда я проезжал нижний мост, ведущий в горы, моя лошадь вдруг без всякой видимой причины остановилась, и ее ни за что нельзя было заставить двинуться вперед. Когда же я, наконец, хорошенько прищипорил ее, она взвилась на дыбы и сбросила меня. К счастью, я отделался только ушибом. Старый Флориан, сопровождавший меня, утверждает, что Альманзор увидел что-то ужасное, предвещающее беду. Старик страшно суеверен.

Молодой граф рассказывал эту историю, смеясь, но его отец озабоченно нахмурил брови.

– Все несчастье произошло от того, что ты всегда скачешь как безумный, – заметил он, – хотя знаешь, что это тебе запрещено и что ты должен больше заботиться о своей безопасности.

Граф Ранек скользнул взглядом по бледному лицу сына, но в его взгляде не было и тени той нежности, с которой раньше он всматривался в другое бледное лицо. Да и в тоне, которым он говорил с Оттфридом, скорее слышался упрек, чем сердечная тревога.

– Вот еще что, Оттфрид, – вдруг прибавил он, как будто только что вспомнив одну вещь, – я хотел воспользоваться сегодняшним вечером, чтобы сблизить тебя с отцом Бенедиктом. Ты ведь помнишь его?

– Отца Бенедикта? Нет! – равнодушно ответил Оттфрид.

– Неужели ты забыл мальчика Бруно? – вмешался в разговор прелат. – Помнишь, он часто приходил к нам в дом, когда учился в столичной семинарии?

– Ах, да, да, – вдруг вспомнил Оттфрид, – это молодой человек, воспитывавшийся и учившийся на папин счет! Как же, помню. Робкий, глупый мальчишка, с которым невозможно было ни играть, ни разговаривать. Папа осыпал его благодарностями, а он выказывал очень мало благодарности за это. Его нужно было тащить к нам в дом чуть ли не насильно. Невыносимое существо!

Прелат с легкой насмешкой взглянул на брата, у которого вспыхнула на лбу и мгновенно исчезла красная полоса.

– Я вообще не понимаю, почему у папы явилась мысль дать мне такого товарища, – продолжал Оттфрид, высокомерно подняв голову. – Он наверно был сын какого-нибудь служителя одного из наших имений.

– Кем был отец Бенедикт раньше, тебе нет дела, – с еле сдерживаемым гневом возразил Ранек. – В настоящее время он равен нам всем, так как состоит членом того же духовного общества, в котором твой дядя занимает почетное место. Я требую, чтобы ты относился к нему с уважением, которого он заслуживает как человек и духовное лицо. Отец Бенедикт вполне оправдал надежды, которые я возлагал на него, отдав в семинарию. Я непременно желаю, чтобы он был твоим духовником, пока мы живем здесь, и уверен, что теперь вы ближе сойдетесь, чем тогда, когда были детьми.

Внешние формы почтения к родителям строго соблюдались в графской семье, поэтому Оттфрид ничего не возразил отцу, хотя было видно по его глазам, как он недоволен.

Настоятель знаком подозвал к себе отца Бенедикта, а граф Ранек подвел к нему своего сына и представил его. Судя по первой встрече, трудно было рассчитывать, что между молодыми людьми установятся дружеские отношения. Оттфрид заставлял себя быть вежливым, а отец Бенедикт держался крайне сухо и сдержанно. Оба как будто инстинктивно чувствовали, что между ними лежит пропасть, которую они никогда не смогут перешагнуть.

Публика в зале снова заволновалась; все взоры были обращены на дверь, в которую входил так давно ожидаемый владелец Добры со своей юной сестрой.

Барон сказал графу Ранеку правду: ему было очень неприятно приглашать «какого-то выскочку», который стоял вне общества. Однако, согласившись на предложение прелата, он должен был теперь любезно принять Гюнтера, и он сделал это, поспешив представить соседа своей жене. Баронесса, приветливо, насколько это требуется от хозяйки дома, поговорив несколько минут с новым гостем, предоставила его самому себе.

Общество держалось вдалеке от Гюнтера – ни у кого не хватало мужества первым подойти к «выскочке», чтобы не заслужить нареканий со стороны людей своего круга. Наступил момент, когда Бернгард оказался стоящим в полном одиночестве рядом с сидевшей возле него сестрой. Гости с любопытством рассматривали их, не считая нужным церемониться с «мужиком». Гюнтер прекрасно видел эту немую оппозицию, но отнесся к ней совершенно равнодушно. У него не было ни обиженного вида, ни вида человека, сознающего, что ему оказывают честь, принимая в аристократическом доме; он смотрел на всех безразлично-спокойным взглядом и как будто мысленно спрашивал: «Что, собственно, вам от меня нужно?».

Но молодость и красота действуют на окружающих сильнее любых предрассудков. Люси сразу обезоружила самых ярых противников своего брата. Многие из мужчин нашли, что прекрасная девушка затмила почти всех присутствующих дам. Элегантные молодые люди давно посматривали на Люси, не решаясь подойти к ней, чтобы не возбудить гнева родителей. Граф Ранек младший оказался смелее других.

– Девушка очаровательна, – заявил он своим товарищам, невольно оживляясь, – я приглашу ее на следующий танец.

– Что ты, Ранек, – остановил его один из приятелей, – вспомни... ведь она – сестра этого Гюнтера.

– А мне какое дело? – возразил Оттфрид. – Гюнтеры – гости барона, приглашены по желанию моего дяди, а, следовательно, я даже обязан танцевать с этой девицей, – и, недолго раздумывая, он подошел к Люси, представился ей и пригласил на танец.

Гюнтер равнодушно смотрел на подходившего к ним офицера, но, услышав фамилию «Ранек», слегка вздрогнул, и на его лице отразилось явное неудовольствие. Он невольно сделал движение, чтобы удержать сестру возле себя, но в следующую минуту опомнился: не позволить Люси танцевать с этим офицером значило бы смертельно оскорбить его. Пришлось покориться необходимости. Оттфрид повел свою даму в круг танцующих, а Бернгард следил за ними озабоченным и недовольным взглядом.

– Позвольте мне, господин Гюнтер, познакомить вас с высокочтимым настоятелем нашего монастыря! – раздался вдруг голос барона.

Бернгард обернулся и увидел перед собой высокую, величественную фигуру прелата.

Несколько минут оба молча смотрели друг на друга. Острый взгляд прелата, казалось, проникал в самую глубь души Гюнтера, чтобы его обладатель сейчас же мог определить, что тот за человек; но непроницаемое лицо Бернгарда выражало такое же непоколебимое спокойствие, как и лицо самого прелата. Одного мгновения было достаточно для обоих. Гюнтер усмехнулся про себя, встретив пронизывающий взгляд настоятеля, – он сразу понял, кому обязан своим присутствием в аристократическом салоне. Прелат отвел глаза от Бернгарда с полной уверенностью, что имеет в его лице достойного противника.

Барон облегченно вздохнул, когда настоятель сам познакомился с Гюнтером и таким образом снял с хозяина дома ответственность перед обществом за приглашение «высочки». Да и все гости почувствовали облегчение; авторитет прелата был так велик, что, видя его чрезвычайную любезность с Гюнтером, все вдруг нашли нового соседа вполне подходящим знакомым для себя. К нему подходили, завязывали разговор, и все наперебой старались приветствовать вступление «высочки» в свет.

В это время Люси пожинала лавры в танцевальном зале; увлеченная танцами, она даже не замечала своего головокружительного успеха. Люси в первый раз была в большом обществе, впервые променяла «детскую», как выражался ее брат, на настоящий салон. Она упивалась звуками музыки, всей блестящей обстановкой бала, видом пестрой нарядной толпы и не сознавала, как сама прекрасна в розовом воздушном платье, облегающем ее стройную фигурку, как хороши ее локоны, в которых благоухали свежие розы. Девушка самозабвенно отдавалась танцу, проносясь в объятиях графа Ранека из одного конца зала в другой.

Но если сама Люси не признавала своей прелести, то партнер вполне оценил ее. Молодой граф привык иметь дело с опытными светскими кокетками, поступками которых всегда руководил расчет; все они таили мысль сделаться владелицами майората и носить имя графини Ранек. После этих претенциозных девиц наивное простодушие Люси привело графа в восторг. Это было нечто новое, необычайное, и разочарованный, пресыщенный светскими развлечениями Оттфрид серьезно заинтересовался своей дамой. В его потухших, усталых глазах вспыхнул огонек; он пустил в ход всю свою любезность и произвел желаемое впечатление. Оттфрид прошел хорошую школу в столичных салонах, и не мудрено, что юная головка Люси стала кружиться от его комплиментов.

Вдруг среди танца молодая девушка вздрогнула. Граф заметил это.

– Вы устали? – озабоченно спросил он. – Может быть, хотите сесть?

Люси отрицательно покачала головой и продолжала танцевать; но как только они, сделав тур вальса, подошли к прежнему месту, она снова вздрогнула. Во второй раз ее глаза встретились с таинственным, мрачным взглядом монаха, стоявшего у дверей зала.

– Кажется, отец Бенедикт внушает вам страх? – насмешливо спросил Оттфрид, заметив, кто смутил его даму. – Должен сознаться, что и я предпочитаю видеть его издали, несмотря на то, что этому господину открыто покровительствуют мой отец и дядя. Он фанатик до мозга костей, ненавидит молодость и все свойственные ей удовольствия. Взгляните на него – кажется, что он проклинает всех танцующих, а нас обоих в особенности. Он готов мгновенно отправить нас в самую отдаленную ссылку за наше преступление.

При других условиях Люси посмеялась бы вместе с графом, но сейчас она не могла сделать этого – высокая суровая фигура, одиноко стоящая среди веселой толпы, странным образом действовала на нее.

Молодая девушка не знала, кажется это ей или в действительности взор монаха во всей танцующей толпе отыскал именно ее и ее кавалера и неотступно следит за ними. Люси ясно видела, что в самом начале танца, когда граф положил руку на ее талию и ее локоны коснулись его плеча, глаза отца Бенедикта злобно сверкнули. И хотя веки его сейчас же опустились, она заметила такой уничтожающий взгляд, что пошатнулась от ужаса и невольно ближе придвинулась к Оттфриду. Да, граф был прав: монах почему-то особенно ненавидел их обоих.

Оттфрид объяснил движение девушки своим успехом, и его комплименты и льстивые речи полились еще смелее. Люси рассеянно слушала своего кавалера; ее мысли невольно перенеслись в душистый лес, она вспомнила, как эти же самые глаза испугали ее, когда смотрели из-за куста малины. Девушка облегченно вздохнула, когда танец окончился и вместо таинственного монаха у дверей зала показался ее брат.

Оттфрид отвел свою даму на место, но Люси не пришлось долго отдыхать. Молодые представители аристократии, ободренные примером графа Ранека, непрерывно приглашали ее. Оттфрид с большим неудовольствием уступил им свою даму. Если бы от него зависело, он не отступил бы ни на шаг от сестры «высочки», но требования этикета заставили его подойти к какой-то увядающей графине; та пустила в ход все свое кокетство, чтобы заинтересовать завидного жениха, но тщетно – молодой граф еще никогда не проявлял такого равнодушия. Как только приличия позволили, он поторопился снова подойти к Люси, чем вызвал негодование всех других дам.

Убедившись, что сестра танцует не только с графом, но и с другими кавалерами, Гюнтер ушел из зала и присоединился к нетанцующему обществу. Вскоре его поздравил настоятель и начал нескончаемый разговор. Танцы между тем прекратились. Когда Гюнтеру удалось освободиться от своего собеседника, он пошел к сестре, но не нашел ее в зале; не было ее также и на террасе, где, весело болтая и смеясь, прогуливались отдыхающие после танцев дамы. Бернгард обеспокоило отсутствие сестры. Он только что собрался пойти искать дальше, как вдруг она вошла в зал под руку с графом Ранеком, не отходившим от нее. На лице Люси сияло детское торжество, и она густо покраснела под холодным взглядом брата.

– Где ты была? – резко спросил он. – Я искал тебя везде.

– Не сердитесь на мою даму, господин Гюнтер, – любезно вмешался в разговор Оттфрид, – я позволил себе повести вашу сестру на террасу подышать воздухом и имел счастье получить от нее согласие танцевать со мной следующий танец.

– Очень сожалею, граф, но моя сестра не будет больше танцевать, – решительно заявил Бернгард, взяв Люси под руку. – Она выезжает в первый раз и я боюсь, что она переутомится. Люси должна немного отдохнуть, а затем мы уезжаем.

– Однако позвольте, – резко возразил Оттфрид, – моя дама обещала мне танец, и я имею право...

– Да, да, граф, вы, конечно, имеете право требовать исполнения обещания, – перебил его Гюнтер, – но я надеюсь, что вы не будете настаивать на этом ввиду того, что Люси вредно много танцевать. Позвольте мне увезти мою сестру.

Бернгард говорил очень вежливо, но весьма решительно, и Оттфрид не дерзнул возражать; Он закусил губы от сдерживаемого гнева, почтительно поклонился и отошел, предварительно обменявшись с Люси многозначительным взглядом.

В первый момент молодая девушка была поражена поступком брата, затем хотела попросить у него разрешения еще потанцевать, но, взглянув на Бернгарда, отказалась от своего намерения. Когда на лице брата появлялось такое выражение, оставалось лишь одно – беспрекословно повиноваться. Люси промолчала, но глаза ее наполнились слезами. Она не понимала, почему Бернгард лишил ее удовольствия и таким сухим тоном говорил с любезным кавалером. Вообще он весь вечер был очень не в духе.

Посадив сестру в гостиной среди пожилых дам, Гюнтер не отходил от нее, ожидая, пока она отдохнет. А из зала неслись упоительные звуки вальса, и вся молодежь танцевала. Счастье еще, что мрачный отец Бенедикт куда-то скрылся. Если бы он продолжал смотреть на Люси своими темными, строгими глазами, она наверно не выдержала бы и разрыдалась при всех.

Глава 5

Графу Ранеку тоже было невесело в этот вечер. Ему не нравилось, что его брат так ухаживает за «выскачкой», когда же он увидел, что все присутствующие последовали примеру настоятеля, его дурное настроение еще усилилось. Но что было хуже всего, это смелость его сына, позволившего себе пригласить на танцы Люси Гюнтер! Из-за прекрасных глаз какой-то мещанки он позабыл о своем положении в свете. Граф решил серьезно отчитать сына, как только окончится этот нестерпимо скучный вечер. Недовольный всеми событиями дня, Ранек со скукой слушал разговоры, своих знакомых об охоте и рысистых лошадях, затем, воспользовавшись первой удобной минутой, вышел из зала на террасу. Погруженный в свои невеселые думы, он спустился с нескольких ступенек и вдруг увидел на одной из боковых скамеек темную фигуру, прислонившуюся лбом к холодной каменной спинке. Поколебавшись несколько секунд, Ранек подошел ближе и, положив руку на плечо одиноко сидящего человека, тихо позвал:

– Бруно!

Монах вздрогнул и вскочил с места. Было слишком темно, и граф не мог видеть, как бледно и расстроено его лицо.

– Что ты тут делаешь один? – с тревогой спросил граф. – Почему ты не в зале?

– Там слишком душно, – сдавленным голосом ответил отец Бенедикт.

– Я знаю, ты не любишь светских развлечений, – покачав головой, сказал граф, – и, вероятно, не особенно благодарен моему брату за то, что он привел тебя на бал. Но, по-моему, ты уж слишком строго относишься ко всему, и не только не любишь, а как будто даже ненавидишь все светские удовольствия.

– Я действительно ненавижу их! – глухим голосом подтвердил Бруно.

Оба стояли теперь на террасе и сквозь открытое окно смотрели на вертевшуюся под музыку толпу.

– Ты заходишь очень далеко в своем аскетизме, – продолжал граф. – Ты прекрасно видишь, что и сам настоятель, и другие иноки не только не осуждают, но иногда и сами посещают празднества. Да это и понятно. Вы, духовники и воспитатели наших детей, не можете порвать все отношения с обществом.

Отец Бенедикт ничего не ответил. Облокотившись о спинку скамьи, он мрачно смотрел вниз.

– Пойдем в зал, – предложил Ранек, – так неприятно в этой темноте!

– Не всем неприятно, – с горечью возразил монах: – Иногда на этой пустынной и темной террасе можно больше увидеть и узнать, чем в светлом зале.

– Твой строгий слух, вероятно, оскорблен каким-нибудь любовным признанием? – невольно улыбаясь, спросил граф. – Такого рода невинные романы часто происходят в кругу молодежи. Не могут же все отказаться от радости жизни, подобно тебе!

– Граф Оттфрид в особенности! – резко заметил отец Бенедикт.

Ранек нахмурился.

– Ты, значит, слышал признание Оттфрида? – проговорил он. – Да, я знаю, он легкомыслен, даже более легкомыслен, чем я мог ожидать. Моему сыну следовало иметь другую цель в жизни, я не думал, что все его честолюбие будет заключаться в том, чтобы играть роль салонного льва. Боюсь, я сделал большой промах в его воспитании. К сожалению, условия моей жизни таковы, что я не мог посвящать много времени своему сыну.

Монах с удивлением смотрел на графа. Он вспомнил, как тот постоянно интересовался и заботился о его воспитании, почему же у него не хватало времени для родного сына?

К счастью, Ранек не заметил молчаливого удивления отца Бенедикта.

– Я надеюсь на твое влияние на Оттфрида, – продолжал он. – Мне хочется, чтобы ты был его духовником.

– Чтобы я был его духовником? – с ужасом повторил монах, отшатнувшись от Ранека. – Убедительно прошу вас, граф, отказаться от этого намерения. Для вашего сына и для меня будет гораздо лучше, если мы станем встречаться как можно реже.

– Нет, нет, я непременно хочу, чтобы вы стали близки друг другу, – ответил граф. – Я вижу, ты будешь строг с ним, ему это не мешает; а он во всяком случае не забудет, что видит перед собой священника, своего духовника, к которому обязан относиться с уважением. Ручаюсь тебе, что Оттфрид ничем не оскорбит тебя. Ну, а теперь пойдем. Мой брат, кажется, собирается уезжать и будет недоволен, если заметит твое отсутствие.

Ранек ласково взял отца Бенедикта под руку и увлек с собой в зал.

– Позвольте спросить, кто этот юный монах, стоящий за креслом прелата? – обратился Гюнтер к хозяину дома, случайно оказавшемуся возле него.

– Вы говорите об отце Бенедикте? Он – монах нашего монастыря, недавно посвященный в сан пастыря. Настоятель возлагает на него большие надежды.

– Вот как? – равнодушно заметил Бернгард, пристально всматриваясь в лицо монаха, точно желая запомнить каждую его черту. – Он, по-видимому, очень близок с графом Ранеком, может быть, состоит с ним в родстве?

– Ничего подобного, между ними нет никакого родства, – возразил барон Бранков, – напротив, отец Бенедикт происходит из очень простой семьи, я все забываю его фамилию – у графа так много имений, а он получил фамилию по названию одного из них. Отец Бенедикт был очень способный, но чрезвычайно бедный мальчик, граф Ранек воспитал его в семинарии, чтобы он мог вступить в наш монастырь. Со стороны графа это только доброе дело, и больше ничего.

– Да, действительно доброе дело! – подтвердил Гюнтер.

Бранков с удивлением взглянул на собеседника – ему послышалась ирония в его голосе, но Гюнтер был совершенно спокоен и продолжал безразлично смотреть на монаха; барон решил, что ошибся.

– Вы, кажется, очень заинтересовались отцом Бенедиктом? Может быть, хотите познакомиться с ним? – вежливо предложил он.

– Нет, благодарю вас, – быстро возразил Гюнтер, – как вам известно, у меня нет ничего общего с господами монахами. Я просто обратил внимание на его красивую голову и легкое сходство с одним знакомым.

К хозяину дома в это время подошли новые гости. Бернгард поспешил откланяться и направился к сестре. «Значит, они запрятали бедного мальчика в монастырь, – думал он, – и сделали из него фанатика. Прекрасное заключение величайшей графской подлости!..»

Прелат и граф Ранек со своей семьей собрались уезжать одновременно. Когда братья вышли в переднюю, граф не мог удержаться, чтобы не выразить своего неудовольствия.

– Ну, твой фаворит, благодаря твоей любезности, сделался сегодня центром внимания, героем дня. Что же, открыл ты что-нибудь опасное в том плоском, незначительном лице?

– Да, – холодно ответил прелат, – этот человек опасен; чем проще он кажется, тем опаснее. Нам придется еще считаться с ним, вот увидишь!

Графиня, понявшая только то, что речь идет о Гюнтере, презрительно поджала свои тонкие губы и величественно произнесла:

– Это неслыханно!.. Сын какого-то помощника лесничего втирается в наш круг!

Прелат молча простился со своей невесткой – он никогда не отвечал на ее замечания. В его глазах графиня была таким же ничтожеством, как и во мнении своего мужа. Несмотря

на это, оба требовали от всех других почтительного отношения к ограниченной женщине, поскольку она имела величайшую честь носить имя графини Ранек.

Вскоре после отъезда прелата уехал и Гюнтер со своей сестрой. Сидя в карете, оба молчали. Бернгард вообще не очень любил разговаривать, а Люси, всегда засыпавшая всех расспросами, на этот раз была необычно задумчива. Она рассеянно обрывала лепестки цветов, украшавших ее платье, а когда карета остановилась у подъезда, удивленно посмотрела вокруг: ей показалось, что они приехали слишком скоро.

Войдя в дом, Люси хотела проститься с братом и направиться в свою комнату, но Гюнтер остановил ее:

– Мне нужно поговорить с тобой, Люси, – сказал он и, взяв из рук лакея лампу, отпустил его.

Бернгард подошел к столу, направил свет лампы прямо на лицо сестры и неожиданно спросил:

– Что произошло у тебя с сыном графа Ранека?

Лицо Люси покрылось густым румянцем; она поняла, что ей не избежать строгого допроса брата. Однако вскоре девушка оправилась от смущения и, гордо подняв головку, торжественно заявила:

– Граф Оттфрид сказал, что обожает меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.